

**Романский мир и нидерландский язык: к проблеме
лингвистических контактов**

И. И. Чельшева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена контактам в диахронии романских языков, прежде всего французского, с нидерландским. Северо-восточные регионы Франции и бельгийская Валлония граничат с зоной распространения нидерландского. Активные контакты с раннего средневековья обеспечили появление во французском достаточно многочисленных заимствований, которые, проникая в язык устным путем, существенно преобразовывались фонетически и морфологически. Особый интерес представляет сосуществование двух языков в одном государстве: в герцогстве Бургундском в XIV—XV вв.. В статье также рассматриваются этнонимы и лингвонимы, которые исторически прилагались во французском к нидерландскому и к носителям этого языка.

Ключевые слова

История французского языка, история итальянского языка, нидерландский язык, лингвонимы, этнонимы.

История взаимодействия языков при контактах романоязычных и германоязычных народов исследована довольно неравномерно: есть такие периоды и такие лингвистические ситуации, когда это взаимодействие во многом определило формирование и развитие романских языков. Это, прежде всего, эпоха германских завоеваний V—VIII вв., которая повлияла и на фрагментацию романского языкового ареала, и на формирование языковых структур романских языков. Соответственно, и в лингвистической литературе этому периоду посвящено немало интересных исследований, некоторые из которых в романистике стали классическими. Достаточно упомянуть работы Дж. Бонфанте [Bonfante 1965] или Э.

Гамильшега [Gamilscheg 1962], хотя последнее исследование, написанное в 30-х годах XX в., содержит ряд довольно спорных положений. Можно вспомнить относительно недавние работы и удачные проекты, посвященные существованию французского языка в Англии и Шотландии с конца XI в., среди которых [AND], [Trotter 2013] и другие.

Наша статья посвящена проблеме контактов в диахронии романских языков с германскими наречиями тех территорий, которые стали частью Нидерландов и Бельгии, т.е. с ареалом нидерландского языка. Для французов это северо-восточные соседи, для носителей других романских языков — иностранцы, среди которых были воины и паломники, студенты и дипломаты, монахи и ремесленники. Этими контактами лингвисты занимались гораздо меньше, но в исторических и культурологических работах темам, так или иначе связанным с взаимодействием романского мира с территориями, где говорили по-нидерландски, посвящено немало интереснейших страниц, среди которых особое место занимают труды Й. Хейзинги [Huizinga 1936; Huizinga 1948]. Что касается собственно лингвистического аспекта этих связей, т.е., в частности, интересующих нас заимствований из нидерландского в романские языки, то до сих пор актуальной остается старая, но богатая материалом работа М. Вальхофа [Walkhoff 1931].

Мы ограничимся эпохой Средних веков, не затрагивая XVI век и выбрав взгляд лишь с одной стороны, со стороны романских языков, что и определило наше обращение в основном к французским и итальянским источникам. При этом особое значение приобретает столетие, начавшееся с середины XIV в., когда в состав одного государственного образования — герцогства Бургундского, вошли территории и с французским, и с нидерландским языками. Рассмотрим также, как в этот период нидерландский язык воспринимался романскими соседями, как именовали его носителей и какие лингвонимы употреблялись по отношению к этому языку.

Остановимся на типах контактов романских языков с нидерландским (или с теми наречиями, которые можно считать предками нидерландского языка). Начнем с того, что северо-восточная часть современной Франции и часть нынешней Бельгии — Пикардия,

Артуа, Валлония, Эно (Геннегау), исторические франкоязычные или частично франкоязычные, соприкасались с нидерландским ареалом непосредственно. Свидетельством активных живых контактов носителей романского языка с говорящими на нидерландском являются достаточно многочисленные заимствования из нидерландского во французском языке. По большей части эти заимствования зафиксированы только во французском, а в других романских языках их нет, или же французский язык стал посредником для дальнейшего распространения этих слов в других языках. Остановимся на некоторых общих характеристиках этих заимствований, подтверждающих их проникновение в язык путем устных контактов, вероятнее всего, в пограничной между двумя лингвистическими ареалами зоне. Во-первых, это достаточно ранние заимствования, первая фиксация которых может относиться уже к XII—XIII вв. Во-вторых, они принадлежат к семантическим сферам повседневной деятельности, для этих регионов характерной — морские и речные перевозки, рыбная ловля, торговля, строительство. При этом развитие слова во французском языке могло выводить лексему из той сферы, к которой она изначально принадлежала. Во французском слове *étape* ‘этап’, распространившемся через французский и в другие языки, трудно увидеть нидерландск. *stapel* ‘ сложенные вещи, стопка вещей’, откуда ‘склад’. Но первая фиксация 1280 г. во французском представлена именно в этом значении [Rey]. В дальнейшем эта лексема стала обозначать доставку военного снаряжения; остановку (привал), где это снаряжение получали; часть пути между двумя остановками. Дальнейшие преобразования уже французского слова еще дальше уводили заимствование от нидерландского этимона; см. итал. *tappa* ‘этап’.

Проникавшие во французский язык устным путем нидерландские заимствования приспособлялись к французской фонетике, что было довольно сложно, учитывая различия в фонетическом составе романского и германского языков. Отсюда иногда достаточно сложные трансформации, которые делают нидерландское слово в его французской форме неузнаваемым. Интересным примером таких преобразований можно считать франц. *blocus* ‘блокада’. И форма, и произношение этого слова как [blokys] напоминают существующие

во французском языке редкие книжные латинизмы, в которых сохраняется латинское окончание *-us*: *lotus* ‘лотос’, *virus* ‘вирус’. Однако это псевдо-латинизированное звучание слова явилось результатом изменения в устной речи средненидерландского сложного слова *blochhuus* ‘дом из бруса, крупных бревен’. Его наиболее ранняя фиксация в валлонском тексте в виде *blokehus* [Rey] еще сохраняла видимую связь с германским этимологом, затем утратившуюся. Соответственно, обозначение укрепленного строения, преграждавшего вход в порт, перешло на обозначение комплекса мер, целью которых было закрытие доступа не только к портам, но и к другим объектам.

Нередко слово в процессе заимствования переосмыслялось также и морфологически, переходя в другую часть речи. Французское существительное *vacarme* ‘грохот, шумный беспорядок, вопли’ засвидетельствованное с 1288 г. [TLF] представляет собой субстантивацию нидерландского восклицания *wacharme!* ‘Горе мне! Несчастный я!’. Воссоздается очень живая картина восприятия франкоязычным свидетелем восклицаний на чужом языке.

Довольно своеобразно и освоение во французском языке одного из самых известных нидерландских заимствований — *drogue* ‘снадобье, лекарство’, а в современном языке прежде всего ‘наркотик’. Считается, что это существительное представляет собой часть из словосочетания *droge vate* ‘сухие бочки’. Во французский было заимствовано лишь прилагательное с метонимическим сдвигом значения от наименования сосуда к наименованию содержимого, т.е. какие-то высушенные травы, смеси и прочие сухие продукты [Rey].

Интересно отметить, что во французский язык вошли заимствованные из нидерландского несколько глаголов говорения с отрицательной коннотацией, что, видимо, связано с восприятием на слух чужой и чуждой речи: *radoter* ‘бредить, нести чушь от средне-нидерландск. *doten* ‘бредить, сходить с ума’, *grommeler* ‘ворчать, бурчать’ от нидерланд. *grommen*, *bégayer* ‘заикаться, запинаться’ от *beggen* ‘болтать’ (последняя этимология спорная, но, на наш взгляд, приемлемая) [FEW].

Все приведенные примеры свидетельствуют, что нидерландские заимствования раннего периода (XIII—XV вв.) проникали во французский устным путем, при непосредственном контакте носителей романского и германского языков. Исторические данные также подтверждают, что в повседневной торговой и деловой практике, которая связывала Фландрию, Брабант, Зеландию, Валлонию и районы северо-восточной Франции, устное французо-нидерландское двуязычие было необходимым элементом эффективной деятельности. Так, Жорж Шастелен (1415—1475), самый видный из хронистов герцогства Бургундского, о котором речь пойдет ниже, принадлежал к известному фламандскому роду, чье состояние обеспечивали торговля, речные и морские грузоперевозки. По официальным и семейным документам очевидно, что те, кто был причастен к такой деятельности, кроме родного нидерландского владели французским и учили французский [Small, Lievois 1994].

Перейдем к другому аспекту взаимодействия языков, который связан с их функционированием в составе одного государства и с деятельностью властей этого государства. В случае с французским и нидерландским особое внимание привлекает языковая ситуация в герцогстве Бургундском. В результате династического брака сын короля Франции Филипп II Отважный (Philippe le Hardi), герцог Бургундский, во второй половине XIV в. присоединил к своим владениям обширные земли: Фландрию, Артуа, Невер, Ретель. Его наследники в XV в. утвердили свою власть над Фрисландией и Зеландией, герцогством Брабантским и маркграфством Антверпенским.

Так возникло и развивалось достаточно мощное государственное образование (хотя и зависевшее от Франции), на территории которого бытовали два основных языка — нидерландский и французский. «Золотой век» Бургундского герцогства продлился чуть более столетия — после гибели в битве при Нанси в 1477 г. герцога Бургундии Карла Смелого (Charles le Téméraire) началась война за Бургундское наследство между Францией и домом Габсбургов.

Герцоги Бургундии должны были учитывать лингвистическую неоднородность населения своих владений. Нидерландские территории переходили во владение французской династии Валуа, и вопрос о языке мог ставиться на уровне верховной власти. Не рассматривая сложный процесс оформления институтов власти бургундских герцогов над Фландрией, отношения герцогской власти с французской монархией и степени самостоятельности властителей Бургундии, отметим внимание к языковым проблемам, элементы своего рода лингвистического законодательства эпохи «осени Средневековья» (по известному определению Й. Хейзинги). Уже упомянутый Филипп Смелый, герцог Бургундии, приобретал права на земли Фландрии путем династического брака с Маргаритой, наследницей герцогов Мальских. В наследство Маргариты входила и так называемая *Flandre Wallingante* (Валлонская Фландрия), включавшая франкоязычные шателенства Лилля, Дуэ и Орши. Накануне бракосочетания Филипп пообещал, что шателенами в Лилль будут назначаться только *Flamans flamengans, nés de Flandre* ‘фламандцы, по-фламандски говорящие и рожденные во Фландрии’ [Boone 2009, 19]. Мы обратили внимание именно на этот эпизод, поскольку речь идет о франкоязычных преимущественно территориях, куда, тем не менее, предполагалось назначать фламандцев. Лингвистический выбор определялся политическим решением: таким путем герцог рассчитывал надежно обеспечить передачу этих земель, не раздражая фламандскую верхушку.

Сын Филиппа Смелого, Иоанн Бесстрашный (Jean Sans Peur), нидерландский выучил и даже избрал своим девизом выражение на этом языке *Ik hood* ‘Я держу’. Конфликт этого герцога Бургундского с французским престолом, вылившийся в войну между Арманьяками и Бургиньонами, косвенно вполне мог поспособствовать повышению оценки нидерландского языка в восприятии властей герцогства Бургундского. Династия Валуа оставалась франкоязычной, но знание нидерландского учитывалось при назначении на высокие посты во Фландрии. Официальная информация, как письменная, так и устная, нередко представлялась на двух языках: *Auquel lendemain les deux matières furent rafraichies et*

recolées, premièrement en thiois, secondement en français par la bouche de maistre Gort ‘Назавтра оба документа были обновлены и собраны воедино сначала по-нидерландски, а затем по-французски устами мэтра Горта’ [DMF], 1476 г.

М. Боон справедливо отмечает, что для Средних веков язык не имел важного значения в структуре государственных символов и не играл особой роли в определении государственной принадлежности. Но как дополнительный элемент, смягчавший или, наоборот, подчёркивающий противостояние борющихся сторон, язык вполне мог привлекаться. Так, в 1451 г. восставшие против власти герцога главы города Гента заявили, что всю официальную корреспонденцию с любым адресатом город будет вести только по-фламандски [Boone 2009, 79].

Однако французский язык безусловно доминировал в Бургундском герцогстве как язык правящей верхушки, язык культуры, язык литературы. Именно в последней из перечисленных сфер он более всего изучен (см., например, известную работу [Doutrepoint 1970], впервые опубликованную еще в 1909 г.). В истории французской литературы есть такое понятие как «Бургундская» литература (*littérature Bourguignonne*); речь идет об авторах и о произведениях, связанных с двором герцогов Бургундских, но составлявших часть литературы Франции в целом. Среди этих авторов уже упомянутый Жорж Шастелен (Шатлен, Шатлен), Оливье де Ла Марш (1425—1502) и Жан Молине (1435—1507) — крупнейшие хронисты той эпохи и видные представители поэтической школы Великих Риториков (*Grands Rhétoriqueurs*). С точки зрения анализа языковых контактов наибольший интерес представляет языковой выбор Жоржа Шастелена. Й.Хейзинга считал, что фламандец Шастелен, именовавшийся при рождении Йорис Кастелен (*Joris Castelain*), выучил французский довольно поздно, но писал он только по-французски. Во многих работах приводятся строки Шастелена, где он уничижительно отзывается о собственном фламандском происхождении: *homme flandrin, homme de palus bestiaux... ygnorant, bloisant de langue, gras de bouche et de palat et tout enfangié d'autres povretés corporelles à la nature de la terre* ‘фла-

мандец, человек с болот, где пасут скот, невежественный, с заплетающимся языком, обжора и весь погрязший в телесных грехах, этой земле присущих» (Цит. по: [Huizinga 1948, 179]). Подобное высказывание следует оценивать с учетом риторически преувеличенной авторской скромности, но, как и многие другие уроженцы Фландрии, Шастелен видел для себя в функции литературного языка только французский.

Носители французского языка, постоянно контактируя с разными германскими народами, достаточно четко выделяли нидерландоязычное население. В этом плане интересен старинный французский этноним и лингвоним *thiois*, *thyois*, перевод которого вызывает затруднение. *Thiois* возводится к германскому **theodisc*, производному от древнегерманского **theudō* ‘народ’ [FEW]. Таким образом, с точки зрения происхождения франц. *thiois* оказывается родственным современному самоназванию немцев *Deutsch*. *Theodiscus*, *thiodiscus* в латыни каролингского периода постоянно использовалось в документах для обозначения языка германцев и самих германцев [Du Cange].

В истории французского языка широко известно первая фиксация этого слова. В «Песне о Роланде» (1080) *Tiedeis* появляются при перечислении рыцарей, явившихся на совет к Карлу Великому: *Baivier e Saisne sunt alet à cunseill, e Peitevin e Norman e Franceis; asez i as Alemans e Tiedeis*. Как видим, из германских народов достаточно однозначно можно идентифицировать баварцев (*Baivier*) и саксонцев (*Saisne*). *Alemans* соотносится с аллеманами, представителями союза западных германских племен, по наименованию которых во французском языке именуют Германию – *Allemagne*. *Tiedeis* представляет собой очень раннюю форму, в которой еще сохранился *-d-* в интервокальном положении, утраченный во французском. Скорее всего, имеются в виду северные германские племена, т.е. фламандцы. Но, с другой стороны, этнонимы в эпических поэмах использовались весьма своеобразно, как бы аккумулируясь в перечислениях: чем больше разных рыцарей будет перечислено, тем лучше будет передана мощь войска Карла Великого. Поэтому соотнесение эпических *Tiedeis* с фламандцами вполне возможно, но не обязательно.

Thiois нередко использовалось в паре с *Allemand* без уточнения, к кому из восточных соседей французов эти этнонимы относятся. Это обозначение могло выступать как синоним *flammand* ‘фламандский’, но и могло вставать с ним рядом. См., например, известные строки из фаблю первой половины XIII в. «*Du Prestre et de la Dame*» ‘О Священнике и о Даме’, где нетрезвый персонаж начинает говорить на всех языках сразу: *...commence a paller latin et postroillaz et alemand, Et puis tyois et puis flemmanc...* ‘он начинает говорить на латыни, и на жаргоне, и на немецком, а потом еще и на *tyois*, и на фламандском’ [Fabliau].

Возникает вопрос, что имелось в виду под *tyois*, если фламандский язык в этом фаблю упомянут отдельно? Видимо, нужно разделять три типа употребления этого лингвонима и этнонима. Во-первых, как мы уже отметили, это указание на язык Фландрии и территорий нидерландского ареала в целом. Во-вторых, это обозначение любого германского наречия. Если при этом это наречие территориально соотносится с территорией современной Германии, вполне можно трактовать это слово как ‘немецкий’. При перечислении *thiois* в ряду других германских и не-германских идиомов в некоторых текстах типа упомянутого фаблю в принципе неважно, о каком именно языке идет речь. Такое перечисление оказывается своего рода стилистическим приемом, чтобы подчеркнуть, что персонаж говорил на многих языках.

И третье, наиболее интересное использование, это различие *thiois* и *flammand* как разных языков. Заметим, что подобное употребление нередко фиксируется в текстах, написанных уроженцами восточной Франции, непосредственно контактировавшими с носителями германских наречий и хорошо в них разбирающимися.

Так, знаменитый французский хронист XIV в. Жан Фруассар (1337—1405), уроженец Пикардии, различает фламандцев и *Thiois*: *Si disoient les Alemans, les Thiois, les Flamens et Englois que le prince de Galles estoit la fleur de toute la chevalerie du monde* ‘И говорили немцы, *Thiois*, фламандцы и англичане, что принц Уэльский был лучшим из рыцарей всего

мира' [Froissart]. У Фруассара определение *thiois* прилагалось, вероятнее всего, к германским наречиям Лотарингии, Эльзаса и Люксембурга, относящимся к группе рейнско-франкских и мозельско-франкских диалектов, которые хронист отличал от собственно нидерландского. Выходцев из этих районов он и именовал *Thiois*. Это подтверждает и сохранившееся во Франции старинное название германоязычной части исторической провинции Лотарингия — *Lorraine Thioise*. Определить точнее, о каком диалекте идет речь, не представляется возможным: в этом регионе лингвистические границы имеют сложные очертания, а политическая и административная принадлежность в диахронии менялась неоднократно и постоянно; см. обзор в [Méchin 2001].

Судя по топонимам, у этого слова в применении к Лотарингии очень давняя традиция. Поскольку Лотарингия делится на франкоязычную и германоязычную зоны, там возможны одинаковые топонимы в обеих частях. Интересен с лингвистической точки зрения пример с двумя городками на севере Лотарингии: оба носят одно и то же название *Audun*, Оден явно субстратного, кельтского происхождения. Находящийся на территории французского языка Оден именуется *Audun-le-Roman* 'Романский Оден'. В германской же части расположен *Audun-le-Tiche*, где *Tiche* восходит к упомянутому *theodiscus*.

Естественно, что при рассмотрении романско-нидерландских контактов в центре внимания оказывается французский язык. В истории итальянского языка, ареал которого непосредственно с нидерландским не соприкасался, *fiammingo* 'фламандский' было основным лингвонимом и этнонимом для обозначения носителей нидерландского, в том числе и тех, кто происходил не из Фландрии [TLIO]. Источник же французского *thiois*, позднелатинская форма *theodiscus*, преобразовалась в итальянском в *tedesco* и стала основным обозначением для немцев и немецкого языка в целом. Итальянский, таким образом, сохраняя дистанцию, ограничился самыми общими наименованиями германских наречий.

Источники и сокращения.

AND — The Anglo-Norman Dictionary. www.anglo-norman.net.

DMF — Dictionnaire du Moyen Français (1330-1500). www.atilf.fr/dmf.

Du Cange — Du Cange, et al. *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis*. Niort, 1883—1887
<http://ducange.enc.sorbonne.fr/>

Fabliaux — Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles imprimés ou inédits, publiés avec notes et variantes d'après les manuscrits par MM. A. de Montaiglon et G. Raynaud, Paris : Librairie des bibliophiles, 1872. T. 2 <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k209379m.texteImage>

FEW — Wartburg W., von. *Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes*. Leipzig – Bonn - Bâle, 1922-2002. <https://apps.atilf.fr/lecteurFEW/>

Froissart — The On-line Froissart. A digital edition of the Chronicles of Jean Froissart
<https://www.dhi.ac.uk/onlinefroissart>.

Rey — Rey A. *Dictionnaire historique de la langue française*. V.1-3. Paris : Le Robert, 1992.

TLIO — Tesoro della lingua italiana delle origini. <http://tlio.oiv.cnr.it/TLIO/>

Литература

Bonfante G. *Latini e Germani in Italia*. Bologna : Patron, 1965.

Boone M.. *Langue, pouvoirs et dialogue: Aspects linguistiques de la communication entre les ducs de Bourgogne et leurs sujets flamands (1385—1505)* // *Revue du Nord*, 379, 2009. Pp. 9—33.

Doutrepoint G. *La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne*. Genève: Droz, 1970.

Gamilscheg E. *Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem boden des alten Romerreichs*. Bd. 1. Berlin: De Gruyter, 1962.

Huizinga J. *Erasmus über Vaterland und Nationen* // *Gedenkschrift zum 400 Todestage des Erasmus von Rotterdam*. Basel: Braus-Riggenbach, 1936. Pp. 36—49.

Huizinga J. L'état bourguignon, ses rapports avec la France, et les origines d'une nationalité néerlandaise// Huizinga J. Verzamelde werken. Deel 2. Harlem: Tjeenk Willink & Zoon, 1948. Pp.161—215.

Méchin C. Des langues et des cultures en Moselle // Limites floues, frontières vives: Des variations culturelles en France et en Europe. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2001 <http://books.openedition.org/editionsmslh/2924>>.

Small G., Lievois D. Les origines gantoises du chroniqueur George Chastelain (ca.1414 — ca.1441) // Handelingen der Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent Ser. NR. № 48, 1994. Pp. 121—177

Trotter D. «Deinz certains boundes»: where does anglo-norman begin and end? // Romance Philology. Vol. 67, № 1 (Spring 2013). Pp. 139—177.

Valkhoff M. Étude sur les mots français d'origine néerlandaise. Bruxelles: Published by Valkhoff et Cie, 1931.

Roman World and the Dutch language: languages in contact

**I. I. Chelysheva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article focuses on the diachronic contacts of Romance languages, primarily French, with the Dutch language. Both north-eastern regions of France and Wallonia in Belgium border on the linguistic areal of Dutch. Dynamic contacts started in the early Middle Ages, which brought a number of loanwords into French. These, penetrating mainly through spoken language, were subject to major phonetic and morphological transformations. Two languages coexisting in the same state, the Duchy of Burgundy in the 14th and 15th centuries, are of special interest. The article also deals with French linguonyms and ethnicons applied in historical context to Dutch and the native speakers of Dutch.

Keywords: history of French, history of Italian, Dutch language, linguonyms, ethnicons.